

Материал про наркотики

Откуда у нас такие картинки?

Для городских служб, владельцев недвижимости и арендаторов смысл этих **надписей** давно не новость. Все проинструктированы, воюют день и ночь. Многие граффити исчезают в течение нескольких часов. Некоторые красуются неделями. Надо помогать, подсказывать координаты.

Кстати, недавно фото с тематическим граффити фигурировало в нашем материале совсем на [постороннюю](#) (хотя как сказать!) тему. Мы проверили через пару дней: надпись бесследно исчезла.

Даже несмотря на стремительность, с которой коммунальщики рисуют свои фирменные прямоугольники, насобирать сколько угодно таких мерзких картинок не составляет труда.

Кое-где даже гопники не выдержали такого нездорового образа жизни, поверх объявлений написали плохих слов.

За полчаса прогулки по Гомелю навскидку фиксируем несколько меток (некоторые из них пронумерованы, видимо, для отчета перед куратором). Отправляем фото на сайт 115.бел. Посмотрим, как это работает.

«Пепсикольники»

Пробуем понять, что представляет из себя «средний» **закладчик**, который откликнулся на такое объявление. Ведь не каждый же на это согласится, наверняка надо обладать определенным набором качеств. Возможно, надо быть дураком или гадом?.. Спросим у милиции.

Как раз недавно на Гомельщине разорили интернет-магазин психотропов с одним там смешным названием. Официальный представитель УВД Гомельской области Виталий Пристромов предъявляет нам в качестве типичного представителя одного из последних пойманных. Учащийся колледжа из райцентра, родителей нет, законным представителем, когда все завертелось, выступал человек от техникума. История этого юноши так же примитивна, как переписка в телефоне минера. Приехал в Гомель, снял квартиру, работал, попался.

— *Я общался с женщиной, у которой он арендовал жилье, —* говорит сотрудник, который занимался этим делом. — *Она сразу обратила внимание, что какой-то он сильно молодой и самостоятельный. Говорит ему: пускай-ка твои родители, дружок, позвонят... Через 15 минут перезванивает, с ее слов, «такой же пепсикольник», но вроде постарше. Представляется отчимом: «Я в Речице, подъехать не могу». Впустите, мол, ему ночевать негде. Она и впустила за предоплату... Поэтому мы и убеждаем: почувствовали что-то подозрительное — лучше сообщите нам.*

По понятным причинам сотрудники магазинов со смешными названиями предпочитают съемные квартиры. Соответственно, наркоконтроль целенаправленно инструктирует «ипэшников», которые сдают жилье. Говорят,

бывало, после выселения курьеры что-то забывали. Необязательно это именно товар, но элементы упаковки или другие характерные принадлежности тоже полезны с оперативной точки зрения. Вот бы еще сообщали...

— *Возможно, арендодатель молчит, потому что опасается проблем. Не надо бояться.* — убеждает Виталий Пристромов. — *Мы заинтересованы в такой информации, владелец квартиры не пострадает.*

Крайняя степень удивления

Опера отмечают любопытный феномен: эти люди какой-то частью мозга осознают, на что идут. Понимают, что риск чисто математически высоковат по сравнению с получаемой выгодой. Но эта часть сознания каким-то образом у всех отключается.

Отдельного упоминания заслуживает **реакция** родителей на задержание их минеров. Те, кто это видел, в один голос описывают происходящее так: «*Они просто в ...*» — дальше следует красивое русское слово, обозначающее крайнюю степень удивления.

Пристромов выбирает более литературные слова:

— *Мама в шоке: «Он же постоянно дома, постоянно сидит за компьютером...» Но для того чтобы из 30 граммов сделать 30 доз, сходить разложить их и сфотографировать, нужно всего час-два. А потом можно дальше играть за компьютером, чтобы мама не волновалась.*

Формат поведения для родителей, по мнению Виталия Пристромова, здесь должен быть один: тотальный контроль переписки в телефоне у чада. Звучит банально, тоталитарно и, как мы понимаем, не всегда выполнимо, но других способов не придумано.

Реагировать необходимо на все непонятное. В первую очередь беспокойство должны вызвать, например, ключевые слова и координаты вроде «улица такая-то, дом №, за белой стеной», «клад», странные названия, сленг.

— *Если заранее все это заметить, можно реально кого-то спасти,* — говорит Пристромов. — *Потом уже, когда поздно, разговариваешь с родителями — и выясняется, что они не знали, не замечали элементарных вещей.*

Потребители — еще одна сложная сторона медали. Они иногда **умирают**. Вообще же, о вреде наркотиков твердит каждый утюг: вред есть всегда, даже если друзья не вырезали тебе глаза.

— *Сейчас модно проводить **вечеринки** в съемных квартирах,* — говорит Пристромов. — *Молодежь так дни рождения отмечает, прочие праздники. Прекрасные условия для передоза, особенно в сочетании с алкоголем... Поэтому опять же родителям стоит обращать внимание на то, куда и с кем отправляется сын или дочь.*

Сколько «живет» минер?

Поскольку наркоконтроль и отдел «К» наступают на пятки, надо постоянно совершенствоваться. И опять же восполнять **потери**, набирать пушечное мясо.

Вышестоящие кураторы учат полевых работников, как шифроваться, как использовать мессенджеры (это далеко не только Telegram, обычно на телефоне схваченного богатый комплект программ). Но все равно надолго этого расходного материала не хватает.

Продолжительность «жизни» среднего минера иногда выходит короче, чем у настоящего сапера на передовой. Например, вышеупомянутый буда-кошелевский деятель протянул месяц — маловато даже по меркам этого жестокого бизнеса. Но брали его не одного, а вместе с двумя товарищами (которых он же привлек). Эти вообще «прожили» две недели. Даже зарплату не успели получить.

Адвокаты относительно своих подопечных называют немного другие данные. Говорят, что в среднем выходит два-три месяца трудовой деятельности. Потом надо брать отпуск за свой счет лет на восемь. Но эту цифру тоже следует воспринимать осторожно: мы же судим только по тем, кто уже отстрелялся. Возможно, существуют и ударники-долгожители.

Как поймать минера: замечай вспышки

В милиции считают очень важной помощь гражданских. Твердят: информируйте, звоните.

— На нижнем уровне, который непосредственно работает «в поле», есть «трафаретчики», есть закладчики — нас интересуют все, — объясняет Виталий Пристромов. — Чтобы **распознать** закладчика, надо представлять, в чем заключаются его обязанности. Понятно: он лазит по укромным местам, раскладывает товар. Заложив пакетик, должен сфотографировать место, чтобы сбросить фото клиенту. Работают в основном в темное время. А это значит, используют вспышку...

В январе именно на вспышки обратил внимание житель Гомеля. Присмотрелся, набрал 102. Примчался патруль, принял двоих парней. Что-то было при них, что-то нашли в съемной квартире. Распотрошили и прочитали все, что требуется потрошить и читать в таких случаях, узнали адреса закладок. В общей сложности насобирали тогда альфа-PVP более чем на полторы тысячи доз. То есть возможно, что это было не нижнее звено. Следствие в разгаре.

Гомельчанина того, кстати, недавно наградили в УВД: жали руку, дали грамоту и премию.

— Как мы действуем по такому сообщению, конечно, не расскажем, — говорят борцы с наркоторговлей. — Важно, как должны действовать вы. Увидел соответствующую надпись — звонок коммунальщикам, звонок в милицию. Все просто.

«Обнять и плакать»

У милиции и **адвокатов** разные задачи. Но и те, и другие, не сговариваясь, начинают рассказывать о подопечных почти в одинаковых выражениях.

Сергей — адвокат. (Кстати, жилой дом в 30 секундах ходьбы от его конторы тоже расписан предложениями спайса.) Имя у нас вымышленное, человек не хочет рекламы по такому поводу. Сейчас у Сергея в работе три не зависящих друг от друга дела по 328-й статье («Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов»). Говорит, такой вал почему-

то пошел в последние года полтора, раньше пореже было. Нам этот специалист нужен для того, чтобы лучше понять некоторые вещи.

Сергей, помимо того, что адвокат, еще живой человек и отец. Поэтому тема волнует его не только как юриста. Говорит, для него это самые муторные дела.

— Почему? Чем 328-я хуже какой-нибудь старой доброй бытовой поножовщины?

Объясняет, что дело в контингенте. У юристов, как известно, сердце изымают еще на четвертом курсе института, но тут особый случай.

— Обвиняемые — это не какие-то типовые уголовники или маргиналы, а совершенно нормальные с виду люди, молодежь от 19 до 25 лет, — говорит Сергей. — Это довольно тяжело психологически, даже для меня. Сроки по 328-й и правда дают большие. Вот он сидит в клетке — симпатичный, лопоухий, вызывает сострадание, что называется, обнять и плакать. Ему бы зачеты пересдавать, шпаргалки писать... Если доказана связь с интернет-магазином, это особо тяжкий состав, санкция до 20 лет — а парню самому 20.

Мир меняется. Маркетологи придумывают новые способы шифровки, наркоконтроль и отдел по борьбе с киберпреступностью совершенствуют свои методы. Все это происходит на глазах адвоката:

— Сотрудники, безусловно, стали работать лучше. Например, лет пять назад по моим делам многое исключалось из обвинения именно из-за погрешностей в оперативной работе. Мне удавалось добиться признания недопустимыми многих доказательств. Теперь они наработали практику, действуют более эффективно, меньше ошибаются. Конечно, для меня, как адвоката, жизнь усложнилась.

Записаться в минеры можно как по собственной инициативе (например, нашел на стене адрес, который не успели замазать), так и по предложению менеджера, который наугад написал тебе (и сотне тебе подобных) в личку. Большинство обматерит и пошлет такого «кадровика», кто-то согласится.

— Условия там предлагают очень привлекательные, — говорит Сергей. — Если ты вчерашний школьник из райцентра, то предложенные \$7000 в месяц могут произвести впечатление.

— У простого минера правда такая зарплата?

— Это минимум при выполнении плана, потолка нет. Там тоже работают умные люди, они постараются сделать так, чтобы твоей оперативной памяти не хватило на размышления о рисках. Понятно, что для молодого человека, которому хочется всего и сразу, это большой соблазн. При этом он может видеть, что товарищ работает, уже целый месяц не пойман, купил дорогие кроссовки. Сам тоже один раз попробовал, второй — не поймали. Ага, значит, так можно было! Не знает, что по нему уже ведется оперативная работа, которая быстрой не бывает. А потом взяли одного — он потащил за собой других.

У Сергея в компьютере материалы текущих дел, показывать нельзя. Там есть скриншоты переписки, которую достали из безопасных, закрытых и надежных мессенджеров хитрые опера. Заканчивается эта переписка трогательным сообщением: «Сашку задержали».

Есть знаменитый принцип «Это может случиться с кем угодно, только не со мной». Он работает как с минером, который точно знает, что уж он-то неуязвим (не то что Сашка), так и с их родителями, которые уверены, что у них приличный сын (не то что Сашка). Мы пытаемся нащупать закономерности: кому предстоит однажды удивиться, что его ребенок попал в эту систему?

— *Никто не застрахован, — уверен Сергей. — У меня тоже подросток, и я тоже волнуюсь. Среди моих клиентов были ребята и из простых, скажем так, семей, и из вполне обеспеченных. То есть нормальный достаток родителей ничего не гарантирует. В то же время из неполных семей многие, те, кто был обделен вниманием родителей или получил определенную свободу во время взросления. Притом что к типичным неблагополучным детям их не отнесешь.*

Молодежь общается, есть понятие «модно». Кроме того, если ты делаешь что-то запрещенное, это может расцениваться как признак взрослости.

— **И что делать?**

Тут Сергей дословно повторяет то, что говорили оперативники: надо жестко контролировать переписку.

Из его рассказов все же следует, что наиболее падких можно просчитать еще «до» по некоторым особенностям характера. У них включается упомянутый выше феномен: человек знает, что совершает преступление, знаком и даже согласен с возможными последствиями — но какая-то блокировка не дает допустить это по отношению к себе.

— *У этой категории людей реально снижены прогностические способности и ответственность за поступки. Даже действуя в группе, они на суде потом не могут согласовать позиции. У меня был случай: вторая часть 328-й статьи, сбыт, взрослый уже человек. Произносит последнее слово: «Признаю вину, раскаиваюсь, действительно раскаиваюсь...» И тут же: «Но за что такой огромный срок просит прокурор?! Я ж никого не убил...» Это довольно яркое и показательное свойство таких людей: говорит «раскаялся» — и тут же внутренне протестует.*

Скучная статистика

По официальным данным, с 2015 года на Гомельщине снижается наркопреступность. Рынок поменялся и по структуре, опиоиды выходят из моды. Те, кто кололся и еще жив, пересели на синтетические психотропы. А это совсем другой маркетинг, мы его видим на каждом углу.

В прошлом году только на Гомельщине до суда доведены 15 представителей интернет-магазинов с «синтетикой». До клиентов не дошли 20 тыс. доз. Всего же фигурантами наркотической статьи стали 445 человек.

Можно вечно спорить, какая дурь (в том числе легальная) хуже, но по факту марихуана сегодня держит подавляющую часть рынка, это милицейская статистика. Доля же более опасных синтетических психотропов (от которых можно выйти из окна или выковырять другу глаза по его просьбе) снижается.

В УВД Гомельщины приводят цифры: в 2016 году синтетические психотропные смеси составляли почти половину изъятого, в 2018-м — уже меньше трети.

По цифрам, получается, придушили. Но маркетингологи борются за рынок.

По материалам портала Onliner.by